

Кравецкий А. Г.
(ИРЯ РАН)

КОГДА ЖЕ НАЧАЛАСЬ ОБНОВЛЕНЧЕСКАЯ СМУТА

История — наука традиционная. Первый опыт написания истории той или иной проблемы создает схему, которую некритично воспринимают последующие поколения исследователей. Изначальная неточность становится традицией, на преодоление которой уходят десятилетия.

Историографическая схема возникновения и развития обновленческого движения была заложена в трудах прот. А. И. Введенского и Б. В. Титлинова и публикациях обновленческой периодики¹. Выглядит эта схема следующим образом: в начале века в связи с подготовкой Поместного Собора начинается дискуссия по вопросам церковной реформы. В ходе этой дискуссии формируется тот набор церковных преобразований, которые будут стремиться проводить будущие лидеры обновленческого движения. И вообще, обновленцы 1920-х годов — прямые наследники предсоборных дискуссий.

Возникшая еще в трудах обновленцев эта схема была воспринята А. Э. Красновым-Левитиным², А. А. Шишкиным³ и последующими историками. В зависимости от собственных пристрастий одни упрекали участников предсоборных дискуссий как предтеч обновленчества, а другие оправдывали обновленцев как прямых наследников дискуссий начала века.

Между тем, прямым наследником предсоборных дискуссий был Поместный Собор 1917–1918 гг. Во время пленарных заседаний Собора и на отделах была предпринята попытка дать ответы (в форме соборных определений) тем вопросам, которые были поставлены в течение предшествующих лет. Принятые или подготовленные решения Собора можно рассматривать как завершение дискуссий начала века.

Как известно, значительную часть своих заседаний Собор был вынужден посвятить обсуждению вопросов, вызванных текущими политическими событиями. К числу решений, ставших непосредственной реакцией на текущие события, относится определение «О мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни». Под таким заглавием этот текст был напечатан. Рабочим названием этого доклада было «О церковном большевизме». Церковным большевизмом тогда называли выступления младших клириков (хотя участвовали и архиереи, и священники) против священноначалия под революционными лозунгами и обращение их к враждебной Церкви гражданской власти⁴. Наиболее известным из такого рода выступлений стала пензенская «Народная церковь», которую возглавил архиеп. Владимир (Путята), лишенный сана в апреле 1918 г.⁵ В связи с этими выступлениями начинает формироваться круг священников и близких Церкви людей, готовых сотрудничать с большевиками.

¹ Введенский А. И., прот. Церковь и государство. (Очерк взаимоотношений церкви и государства в России 1918–1922 гг.). М., 1923; Введенский А. И., прот. Церковь патриарха Тихона. М., 1923; Титлинов Б. В. Новая Церковь. Пг.: М., 1923.

² Левитин А., Шафров В. Очерки по истории русской церковной смуты. Москва: Kîsnacht, 1996. (= Материалы по истории Церкви. Кн. 9).

³ Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской Православной Церкви. Казань, 1970.

⁴ См., например: Большеизм в церкви, в: Прибавление к Церковным ведомостям 1918. № 3–4. С. 153–155.

⁵ Существует неопубликованная история этого движения, написанная Н. П. Ивановым. Сокращенный вариант этого труда см.: Иванов Н. П. История путятинской смуты // Пензенские епархиальные ведомости. № 6, 7, 8. 1998; № 1. 1999 (публикация продолжается).

Упомянутое выше соборное определение запрещает в священнослужении епископов, обращающихся к гражданским властям за содействием в борьбе с церковной властью. Запрещаются священники, обращающиеся к гражданской власти с жалобами на архиерея, а также клирики и миряне, работающие в антицерковных организациях и т. д.

Т. е. еще во время Собора возникает противостоящее Собору церковно-политическое движение, стремящееся при помощи новой гражданской власти добиться независимости от органов Высшего церковного управления.

Движение продолжается и после Собора. Так 12 июля 1919 г. прот. В. Д. Красницкий направляет в Совнарком записку, озаглавленную «О направлении политики советской власти в отношении к Православной Российской Церкви»¹.

Записка содержит рекомендации по вопросу об отношении к Церкви. Отмечается, что если Поместный Собор занял реакционную позицию, то, например, петроградское Братство приходских советов стоит на революционных позициях. Концепция будущей государственной политики по отношению к Церкви выглядит по В. Д. Красницкому следующим образом: «Так как действительная жизнь заставляет признать существование религии, и в частности Православной церкви, то задача Рабоче-крестьянского Правительства естественно должна заключаться в том, чтобы предоставить рабочему и беднейшему крестьянству в приходском быту то положение, которое занимают в нем буржуазные элементы»². Юридической основой церковной революции должен был стать Декрет об отделении Церкви от государства. Согласно новому закону, церковное имущество передается в пользование группе верующих. В. Д. Красницкий полагал, что власти должны позаботиться о том, чтобы церковные здания переходили в руки просоветски настроенных общин. Предложенная В. Д. Красницким программа взаимоотношений Церкви и государства была реализована почти сразу. Отдел юстиции Петрограда призвал верующих, принадлежащих к беднейшим классам, составлять общины и принимать храмы и церковное имущество. Программа Красницкого и составленная на ее основе инструкция прямо противоречат Определению «Об охране церковных святынь от кощунственного захвата и поругания». Пункт 7 этого документа гласит: «Святые храмы и прочие священные предметы, взятые мирскою властью в свое обладание, могут быть принимаемы от нее на хранение и соответственное пользование не случайными соединениями лиц, именующих себя православными, а лишь православными приходами, братствами и иными церковными организациями с разрешения епархиального архиерея на общих церковно-канонических основаниях»³. Именно противостоящий Поместному Собору церковный большевизм следует считать предтечей того движения, которое мы называем обновленчеством.

Характерно, что в обновленческой литературе первых лет Собор 1917–1918 гг. характеризуется резко негативно. В воспоминаниях и статьях обновленческих лидеров постоянно встречаются жалобы на то, что Собор 1917–1918 гг. занял реакционную позицию и не пошел за ними. В обновленческих документах 20-х годов, в период расцвета этого движения, отсутствуют ссылки на Собор 1917–1918 гг., хотя многие актуальные для обновленчества проблемы обсуждались Собором. Собор упоминается лишь в связи с его отношением к советской власти, т. е. как исключительно реакционный орган.

¹ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 3. № 795. См. также: *Кравецкий А. Г.* К предыстории обновленческой смуты. (Записка прот. В. Д. Красницкого «О направлении политики советской власти в отношении Православной Церкви») // Ученые записки Рос. Правосл. ун-та ап. Иоанна Богослова. Вып. 6. М., 2000 (в печати).

² ГАРФ. Ф. 353. Оп. 3 № 795. Л. 8.

³ Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 4. М., 1918. С. 29.

Приведем лишь несколько примеров. Так Б. В. Титлинов пишет: «Созванный в 1917 г. Церковный Собор в Москве оказался консервативным и деятели церковного обновления на нем — в реакционном окружении»¹. «Оставалось одно, — продолжает Б. В. Титлинов далее, — взять в свои руки церковную власть, хотя бы путем революционным, и попробовать пойти путем революционным, продолжить прерванное Собором 1917–1918 гг. дело церковной революции. Внешние условия делали как раз такой исход возможным, так как сама революционная власть готова была поддержать, хотя и чуждое ей по существу, церковное начинание»². Аналогичную позицию занимает обновленческий синод в своем «Обращении архипастырям и пастырям Российской православной церкви» от 3 сентября 1924 г.: «Вспомните епархиальные съезды в период времени 1905 по 1917 гг. Какие тогда раздавались сильные призывные голоса к новой церковной жизни. Какие слышались обличительные речи против затхлости во всех областях церковного строя... Но, к сожалению, все это стер Собор 1917–1918 гг. На нем с особенной глубиной отразилось реакционное настроение отживших свое время руководителей жизни, которые естественно были недовольны нарождавшимся новым строем государственно-общественной жизни»³. Еще резче высказывается о Соборе прот. А. И. Введенский, называя его «антихристовым собором», «сатанинским собором»⁴. В этом контексте совершенно справедливыми кажутся слова Б. В. Титлинова: «Тихоновскую церковную позицию можно определить Собором 1917–1918 гг., а обновленческую — Собором 1923 г.»⁵.

Последовательно отрицательное отношение обновленцев к Собору 1917–1918 гг. заставляет вспомнить работы И. А. Стратонова, который рассматривал обновленческое движение как «ярко выраженную поповскую реакцию против реформ, созданных законодательством Поместного Собора 1917–1918 гг. За революционными выкриками и истерией стояла самая черная реакция превратить церковь в привилегию белого клира... Реакционным это движение оказалось и в деле организации церковной власти, возвращавшая ее по существу к синодальным формам управления»⁶. Именно это, а не стремление к радикальным церковным реформам, объединяло декадента Введенского и государственника Красницкого. Читая официальные документы обновленческих соборов и совещаний, поражаешься почти полному отсутствию тех реформаторских решений, к которым призывали декларации обновленцев.

Таким образом, в отличие от Поместного Собора, решавшего реальные задачи церковного обновления, обновленчество оставалось в рамках церковной политики и не может рассматриваться как прямой наследник церковных дискуссий начала века.

В сознании потомков обновленцы прочно ассоциируются с радикальными церковными реформами, с проведением в жизнь тех идей, которые в полемическом задоре высказывали церковные публицисты начала века. В свое время, работая над историей церковнославянского языка в XX в., мне пришлось более подробно заниматься эволюцией отношения обновленцев к вопросу о русском языке богослужения. Этот частный вопрос хорошо иллюстрирует отношение представителей этого течения к церковным реформам⁷.

¹ Титлинов Б. В. Указ. соч. С. 48.

² Там же. С. 68.

³ Церковное обновление. 1924. № 13–14. С. 53.

⁴ Введенский А. И., прот. Церковь и государство. С. 104.

⁵ Церковное обновление. 1925. № 12. С. 93.

⁶ Стратонов И. А. Русская церковная смута. 1921–1931 / Из истории Христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. (Материалы по истории Церкви. Вып. 5). М., 1995. С. 65.

⁷ Подробно история проблемы изложена в готовящейся к выходу книге: Кравецкий А. Г., Плетнева А. А. История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX вв.).

В декларациях бесчисленных обновленческих групп требования служить по-русски встречаются достаточно часто. Однако официальных высказываний по этому поводу нет. Обновленческий Собор 1923 г. дает весьма обтекаемую формулировку и предлагает «не вводя никаких догматических и богослужебных общеобязательных реформ, пригласить всех работников церковного обновления всемерно охранять единство Церкви; благословляет творческую инициативу и сделанный почин, направленный на пробуждение религиозного чувства, церковного сознания и общественной нравственности»¹. Основываясь на этом решении, предпринимается ряд частных опытов (еп. Антонин (Грановский), священник Василий Адаменко и т. д.). Обновленческая церковная власть относится к этим опытам очень настороженно. Обновленческий Синод не благословляет переводов Василия Адаменко (эти переводы будут благословлены лишь в 1930 г. митр. Сергием (Страгородским) после того, как Василий Адаменко принесет покаяния и воссоединится с Патриаршей Церковью).

На III обновленческом Соборе (октябрь 1925 г.) с развернутой и резкой критикой перевода богослужения на русский язык выступает Александр Введенский².

Относительно серьезная работа над переводами начинает вестись лишь в конце 1926 г. В работе комиссии должны были участвовать не только обновленческие функционеры, но и серьезные литургисты. То есть перед нами не декларация, а реальная программа работы. В 1928 г. сообщается, что комиссией подготовлен ряд переводов³. Ни один из этих переводов так и не был издан.

На наш взгляд, обращение обновленцев к проблеме литургического языка и шире — к собственно церковным реформам — явилось следствием «Декларации о лояльности», изданной митр. Сергием (Страгородским) в 1927 г. Декларация лишила обновленцев основного аргумента в борьбе с Патриаршей Церковью: противопоставление лояльных обновленцев контрреволюционным тихоновцам утратило смысл. Для оправдания собственного существования обновленцам пришлось обратиться к тем проблемам, которые волновали церковных реформаторов начала века. Теперь лишь энергичные реформы могли хоть как-то оправдать существование обновленческого движения. Поддержка властей становилась все менее заметной. В эти годы с иной интонацией вспоминают обновленцы и о Соборе 1917–1918 гг. Тема преемственности становится более актуальной.

Как церковно-политическое движение обновленчество потерпело поражение. Однако созданные этим движением мифы продолжают жить.

Ситуация полемики всегда приводит к поляризации мнений. Обновленческие декларации с требованием радикальных реформ заставили сторонников Патриаршей церкви отзываться о таких реформах резко отрицательно. В результате историческая память сохранила устойчивое противопоставление обновленцев-реформаторов и тихоновцев-консерваторов. Хотя на самом деле водораздел проходит не по отношению к той или иной реформе, а по послушанию или непослушанию церковной власти.

¹ Поместный Собор Российской Православной Церкви 1923 г. Бюллетени. М., 1923. С. 22.

² Церковное обновление. 1926. № 1. С. 7–10.

³ См.: Вестник Священного Синода Православных Церквей в ООСР. 1925. № 1; 1927. № 9–10; 1928. № 1–4, 10; 1929. № 3–4.

**Е Ж Е Г О Д Н А Я
БОГОСЛОВСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ**

**ПРАВОСЛАВНОГО СВЯТО-ТИХОНОВСКОГО
БОГОСЛОВСКОГО ИНСТИТУТА**

МАТЕРИАЛЫ

2000

Ежегодная Богословская Конференция
Православного Свято-Тихоновского Богословского
Института: Материалы 2000 г. — М.: Издательство
Православного Свято-Тихоновского Богословского
Института. 2000. — 548 с.

Главный редактор
Протоиерей Владимир Воробьев

Ответственный редактор
Н. А. Кулькова

Редакторы
Н. Г. Головина
Е. П. Ореханова

Юбилейная X Ежегодная Богословская Конференция состоялась 20–22 января 2000 г. В работе девяти секций: богословской, литургической, исторической, истории Русской Православной Церкви XX века, филологической, церковных художеств, церковного пения, педагогической, истории православной миссии — приняли участие более 220 докладчиков, многочисленные гости из России и из-за рубежа.

ЛР № 030880 от 10.03.99
Подписано в печать 10.01.2001. Формат 60×84¹/₈
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 68,5. Тираж 500 экз. Заказ 4067
Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института
г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 236
Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИНТИ,
140010, г. Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 554-21-86

ISBN 5-7429-0145-3

© Православный Свято-Тихоновский
Богословский Институт, 2000.